

Альгирдас Дегутис
**ВОСПОМИНАНИЯ О ВИЛЬНЮССКИХ ЛЕКЦИЯХ
МЕРАБА МАМАРДАШВИЛИ¹**

Философия интересовала меня уже в средней школе, но так как в то время (1970) в Вильнюсском университете не было философского факультета, я поступил на отделение английской филологии. Посещая лекции по истории философии, я познакомился с несколькими студентами разных факультетов, влекомых тем же интересом и разделявших мою неприязнь к официальному марксизму. К счастью, логику и историю философии преподавала Кристина Рицкевичюте, ученица русского философа-эмигранта Василия Сеземана. Она с энтузиазмом поддерживала наши философские устремления и наш юношеский протест против господствующей догмы. Она помогла мне и моим единомышленникам (Арунасу Свердиоласу, Томасу Содейке) организовать «кружок молодых философов», который на несколько лет для нас стал местом философского самообразования.

Кружок собирался еженедельно. Выступали в основном университетские преподаватели, имевшие нонконформистскую репутацию. Среди них были Б. Гензелис, Й. Репшис, Б. Кузмицкас и Р. Озолас. Позже они стали заметными фигурами движения «Саюдис», приведшего Литву к независимости.

После окончания университета мы проводили регулярный философский семинар в Институте философии, социологии и права, куда в 1975 году я поступил на должность младшего научного сотрудника. Работа семинара в основном посвящалась исследованию классических философских текстов: Аристотеля, Канта, Гуссерля, Хайдеггера. Семинар вызывал одобрение у администрации института, но его терпели, поскольку

¹ Пер. с англ. К. Голубович.

мы настаивали, что цели семинара чисто образовательные, без каких-либо тайных замыслов.

Несколько позднее в рамках Литовского философского общества была создана секция молодых философов, где я был председателем. Одной из причин ее создания была возможность официально приглашать в Вильнюс известных (крамольных) советских философов (в основном из Москвы) для чтения лекций. Так как курсы устраивались летом, мы назвали их «летними школами».

Поскольку в состав секции вошли несколько выпускников философского факультета МГУ (Гражина Миниотайте, Владимир Минаков), с их помощью мы вышли на некоторые философские светила Москвы. Знакомство с ними началось с лекций С. Аверинцева в 1980 году. На следующее лето мы пригласили Мераба Мамардашвили, предложив ему прочесть курс по социальной философии. К нашей радости, он принял предложение.

Я помню, как встречал его на вокзале. Он выглядел впечатляюще: большая лысеющая голова, спокойный, обходительный, уверенный в себе, с мягкими манерами, стильно одетый — темно-синий свитер, желтые кожаные ботинки, в руке незажженная трубка. Он казался человеком Запада и заметно выделялся на тусклом фоне окружения.

Лекции Мамардашвили в Вильнюсе стали волнующим событием, настоящим интеллектуальным праздником. Они проходили в Институте философии, социологии и права, в зале, вмещавшем около ста человек (всегда заполненном). Аудитория состояла не только из философов, молодых и не очень (некоторые приехали из Риги и Москвы), но также из художественной и иной «интеллигенции».

Самым притягательным в его лекциях было то, что он говорил на темы социальной философии с позиции, совершенно чуждой избитому марксистскому жаргону, даже когда речь шла о Марксе. Его мышление поражало оригинальностью, хотя так же впечатляло его обширное знание философии Нового времени и современной французской философии.

Не менее впечатляла и его манера читать лекцию. Он не пользовался записями, и казалось, что он просто думает вслух — отчетливым, хорошо поставленным голосом. Иногда он записался в поиске нужного слова, что казалось естественным для человека, явно преследующего глубокую мысль.

Для меня, привыкшего к сухим текстам аналитической философии, самой впечатляющей чертой его мышления была его

способность использовать яркие образы и метафоры, а также легкость, с которой он перемещался поверх междисциплинарных барьеров и различных дискурсов для иллюстрации своих положений. Образы, такие как «паноптикум», «человеческое желе», «клейкая мгла молчания», «волосы, растущие внутрь», обладали дополнительным поражающим эффектом, ибо они были явными аллюзиями, отсылающими к реалиям советского общества.

Кто-то из присутствовавших на лекциях назвал их «круглосуточным учением», так как за лекциями всегда следовали неформальные собрания и развлечения, обычно с обильными возлияниями, длившимися далеко за полночь. Мераб, казалось, вообще не знал усталости. Все же как-то после одной из таких «сессий» он сделал забавную оговорку на лекции, спутав «вино» и «вина».

На этих встречах он был даже более откровенен в своей критике режима. Мы говорили и о возможности политических перемен, о шансах освобождения Грузии и Литвы. В отношении балтийских государств он был оптимистичен, в отношении родной Грузии — нет.

Во время этих неформальных встреч Мераб продемонстрировал некоторые другие черты своего характера. Хотя обычно вежливый и мягкий, он не переносил вульгарность и надменность. Одной молодой даме, своей знакомой, он сказал, что она похожа на «хозяйку борделя», когда на вечеринке она появилась в пижаме. Еще жестче он обошелся с молодым человеком, местным почитателем Гегеля. Послушав какое-то время его гегельянскую тираду, он обрезал его словами: «В., кто так на***л в твой мозги?» Я также помню его едкую характеристику Щедровицкого (знаменитого методолога) как «жестяного человека».

Администрация института была обеспокоена происходящим. Директору, видимо, доложили (уже после того, как было послано приглашение Мерабу), что Мераб Мамардашвили — персона нон грата, и мне с трудом удалось убедить его не отменять приглашения. Представитель администрации присутствовал на всех лекциях и казался весьма встревоженным. Однажды он вызвал меня к себе в кабинет и обеспокоенно спросил, не переступает ли лектор границ дозволенности. Он явно испытал облегчение, когда я сказал ему, что в лекциях Мераба Мамардашвили нет ничего особенно нового. В любом случае административная нервозность лишь добавила лекциям привлекательности.

Лекции записывались на магнитофон. Как только Мераб уехал, директор института мне заявил, что кассеты подлежат конфискации КГБ и что я должен сдать их ему немедленно. Я послушно передал их ему на следующий день, после того как ночью сделал копии. КГБ явно становился ленивым и вялым.

Втроем¹ мы расшифровали аудиозаписи и перевели их в печатный текст. Я сделал окончательную редакцию. Текст был размножен под десятью копиями и роздан тем, кто проявил наибольшее участие и заинтересованность.

21 ноября 2007 года
Вильнюс

¹ Вместе с Альгирдасом Дегутисом текст лекций расшифровывали Арунас Свердиолас и Томас Содейка. — *Примеч. ред.*